

Дилрабо Самадова: «Правозащитник – не преступник» | Dilrabo Samadova: «Un défenseur des droits de l’homme n’est pas un criminel»

Auteur: Заррина Салимова, [Берн-Душанбе](#), 20.11.2024.

Дилрабо Самадова в Офисе гражданских свобод. Фото из архива героини

Предлагаем вашему вниманию интервью с таджикской правозащитницей, ставшей номинанткой премии Мартина Энналса.

|

Voici l'interview réalisée avec une défenseuse des droits de l'homme tadjike, une des candidates pour le prix Martin Ennals.

Dilrabo Samadova: «Un défenseur des droits de l'homme n'est pas un criminel»

Наша Газета уже имела повод [рассказать](#) о международной Премии для правозащитников имени Мартина Энналса, которая ежегодно, начиная с 1993 года, вручается активистам со всего мира, демонстрирующим исключительное мужество и приверженность делу защиты прав человека, часто рискуя собственной жизнью. С момента учреждения премии ее лауреатами стали более 60 правозащитников из двух десятков стран. Жюри, состоящее из членов десяти ведущих мировых правозащитных организаций, выбирает не только двух победителей, но и отмечает усилия выдающихся кандидатов, в число которых в этом году была включена Дилрабо Самадова из Таджикистана.

Дилрабо, Ваше взросление пришлось на годы гражданской войны в Таджикистане. Это как-то повлияло на то, что Вы решили стать юристом и связать свою профессиональную жизнь с защитой прав человека?

Я родилась и выросла в Худжанде, который называют северной столицей Таджикистана. Там не было таких активных связанных с войной действий, как, например, в Душанбе, но я четко помню два момента. Первое – это то, как насильственно собирали «добровольцев» на войну. Это называется «облава»: молодых людей призывного возраста просто хаотично ловят на улице и отправляют на военную службу. Эта практика у нас есть до сих пор, и до сих пор мы, я в том числе, с ней боремся. Я помню, как мы играли во дворе. Приехала машина, вышли люди в гражданской одежде и начали бегать за парнями, среди которых был один 18-летний молодой человек – брат моей подруги. Убегая, он поднялся на девятый этаж нашего дома, прыгнул оттуда на чердак следующего дома. Я тогда очень сильно испугалась и не могла понять, почему они гонятся за молодыми людьми, которые просто играли в футбол и ничего плохого не совершили? Мне сначала казалось, что он что-то сделал, но потом я поняла, что он ничего не совершил. Просто его хотели насильно отправить в армию, а в то время шла война, было много молодых солдат, которые попали в плен, погибли, пропали без вести...

Второй случай произошел уже в университете, когда нас заставляли собирать хлопок. Мы были студентами юридического факультета (вроде бы престижный факультет!) и уже к себе относились как к знатокам закона. Но нас все равно насильственно отправляли на поля: несколько месяцев вдали от дома, где нет нормальных условий (девушек еще размещали в каких-то таких жилых помещениях, а мальчики, кажется, жили в помещениях, где зимой держали скот) – очень плохое питание, отсутствие медицинской помощи, жестокое отношение, если ты не выполняешь норму, никакого душа, неоплачиваемая работа. Это был чистой воды принудительный труд, рабский труд. На третьем курсе я поняла, что это было незаконно, потому что закон напрямую запрещает использование работы студентов и преподавателей в аграрном секторе. И для меня это было удивительно. Как же так: закон запрещает, но на практике это широко используется? Около семи тысяч студентов Согдийской области были привлечены. Вся власть была замешана в этих незаконных произвольных действиях.

Похоже на то, как в советские времена студентов отправляли «на картошку».

Мне тоже так говорили родители. Но их учебу тогда оплачивало государство, они получали стипендию, место в общежитии, их потом обеспечили работой. А сейчас что? За учебу мы платили сами, никаких общежитий, никаких стипендий, перспективы работы в будущем неясны. Неизвестно было, получим ли мы вообще дипломы, которые будут признаваться. Мы учились уже в других условиях. Для меня стал сильным сигналом тот факт, что законы могут говорить одно, но государственные органы, которым мы привыкли верить, думая, что они все делают по правилам, поступают иначе – то есть нужен гражданский контроль. Первый случай повлиял на то, что я выбрала юриспруденцию. Я думала, что, зная законы, буду защищать людей. Потом, когда я уже увидела, что законы есть, но сами госслужащие их широкомасштабно несколько лет подряд нарушают, я поняла, что недостаточно быть юристом в сфере государственного управления, и пришла к правозащитной деятельности.

И Вы возмутились и основали с однокурсниками «Ассоциацию молодых юристов Ампаро»?

Да, и мы начали проводить мониторинг. Собирая случаи, когда студентов исключали за то, что они не ездили собирать хлопок, мы обратили внимание на то, что все приказы об исключении были без печатей и подписей. Это были просто списки по 200-300-500 студентов из нескольких вузов. Все они как-то потом восстанавливались. Существовали целые коррупционные схемы: нужно было платить, если ты не хотел ехать, если ехал на половину срока, если хотел получить освобождение по состоянию здоровья, если хотел восстановиться... Речь шла об очень больших суммах, которых, например, в моей семье не было. Это была огромная «кормушка». Я не жалею, что на первых курсах ездила на хлопок, потому что я там подружилась со всеми, с кем дружу до сих пор. Но это не означает, что за отказ ехать мы должны были быть наказаны и унижены. Пусть это будет веселое, здоровое, достойное, добровольное мероприятие. Мне было очень обидно, что мы пропускали почти три месяца нашей учебы: мы всего девять месяцев учимся и 30% из них проводим на хлопковых полях. Это же абсолютно не наша задача.

У Вас получилось этому противостоять?

Да, это была первая победа нашей команды: теперь это запрещено по всей стране. А вот с «облавой» так пока не получилось. Мы до сих пор боремся с этой практикой. Она принимает другие формы, но она все еще существует.

Однако Вашу организацию затем ликвидировали?

Да, но позже. История с хлопком привлекла внимание посольства США, пошли разговоры о том, что хлопок из Таджикистана и Узбекистана может попасть под санкции. Тогда эту практику сразу отменили, а государство начало работу по предотвращению детского, рабского и принудительного труда. А ликвидировали нас после другого случая. В 2012 году мы выпустили результаты первого мониторинга дедовщины в вооруженных силах. Мы опросили 1500 солдат – из разных регионов, с разными званиями, с разным уровнем образования. Мы выявили очень серьезные нарушения прав человека и жестокие армейские ритуалы. Мы знали, что есть дедовщина по сроку службы, но не знали ритуалов посвящения в солдаты. Мы думали, стоит ли нам публиковать эту информацию, потому что нам, молодым

юристам, было страшно. Но это был очень важный период для Таджикистана, потому что тогда как раз принимали статью о пытках в Уголовный кодекс. К нам должен был приехать с визитом спецдокладчик ООН по предотвращению пыток. Мы хотели, чтобы он поехал в воинские части, а для этого ему нужно было предоставить информацию. Мы все взвесили и решили опубликовать, что бы там ни было. Это был момент, когда нужно было менять ситуацию. Было ясно, что если мы сейчас промолчим, отправим информацию только властям или подвергнем ее цензуре, то это будет продолжаться годами. После публикации на нас началось очень серьезное давление, чтобы мы предоставили информацию о солдатах. Мы долго объясняли, что сам смысл мониторинга в том, что он проводится конфиденциально, что мы не можем выдать источники. В итоге начались проверки, визиты в наш офис – и по каким-то незначительным причинам нас ликвидировали. Мы постоянно говорили, что нужно бороться не с юристами, а с дедовщиной. Адвокаты приложили много усилий для предотвращения ликвидации, и все-таки мы безрезультатно ликвидировались. Так как мы обратились в Конституционный суд, он рекомендовал Минюсту принять правила проведения проверок. Раньше их не было: Минюст мог приходить в любое время, проверять, что ему хочется, и принимать любые меры. Новые правила более цивилизованные и не так нарушают свободу объединения. Позже я пошла работать в другую организацию – Офис гражданских свобод (ОГС).

Чем конкретно занимается ОГС?

Это молодежная правозащитная организация. Если в «Ампаро» были молодые юристы, то здесь круг шире – это правозащитники. Этим людей объединяют ценности, связанные с правами человека и свободой. Организация была создана в 2013 году, в 2014-м меня избрали директором. Одной из тем, которую я рекомендовала, стала защита прав призывников. В основном мы занимаемся защитой прав молодых людей, а призыв (с 18 до 27 лет) с этим как раз связан. Безопасность и благополучие призывников в составе армии обеспечиваются не полностью, хотя закон говорит, что это «привилегированная группа». Конечно, ситуация улучшается, но все равно есть случаи дедовщины, суицида, вынужденного самовольного оставления части, насилия.

Расскажите о некоторых проектах ОГС.

Мы работаем в двух офисах, у нас в составе 25 человек и более 300 волонтеров в год. Есть регулярные волонтеры, которые проходят девятимесячное обучение, есть стажеры. Участникам наших мероприятий мы рассказываем о правах человека. Так, одним из направлений, которое мы развиваем и которое интересно молодежи, является арт-активизм – музыка, рисование, видео, комиксы, цифровые продукты. Мы серьезно занимаемся правами человека в онлайн-сфере, включая персональные данные и безопасность. Во время пандемии мы не хотели сокращать нашу просветительскую деятельность и с тех пор проводим различные образовательные программы онлайн, которые всегда доступны, в том числе на таджикском языке (русский язык постепенно заменяется другими, в том числе иностранными, а таджикский язык в последнее время очень сильно укрепился, и мы разрабатываем новую современную терминологию на таджикском). Нам интересна тема спорта и прав человека, в том числе доступ девочек к спорту и адекватная поддержка женского спорта. Важным остается и доступ к профессии. Молодые юристы, например, работали над тем, чтобы сократить список запрещенных женских профессий: до прошлого года он включал 400 наименований, потом его сократили наполовину. То есть государство, якобы заботясь, ограничивает права и равный

доступ к труду – такая навязчивая забота, без каких-либо обоснований, в том числе медицинских.

Я очень люблю работать с молодежью, потому что... Вот вы же знаете, что уровень коррупции в Таджикистане очень высокий?

В последнем индексе восприятия коррупции страна заняла 162-е место из 180 возможных, а в рейтинге свободы слова от «Репортеров без границ» Таджикистан оказался на 155-м из 180. Все это не внушает оптимизма.

Да, к сожалению, показатели последние три-четыре года сильно ухудшаются. Но, когда я была студенткой, коррупция была частью образования. Мы видели это постоянно, каждый день. Сейчас многие просто не воспринимают взятки как что-то само собой разумеющееся. Молодые люди борются, сопротивляются, отвергают это. Если мы тогда могли похвалиться, что только несколько человек не платят, честно учатся и получают оценки, то сейчас людей, которые платят, меньшинство. Это радует, конечно же. В общем, у молодежи можно многому научиться, в том числе, отрицанию насилия и применению власти в своих интересах. Я обожаю молодых людей еще и за то, что они научили меня и наш офис быть экологичными. Если мы даже визитки не печатаем, а делаем один QR-код на всех, то это уже очень много. Это все благодаря молодежи!

Вы затронули тему положения женщин. Быть правозащитником в Таджикистане непросто, а для женщины, наверное, непросто вдвойне. Сталкивались ли Вы со сложностями, только потому что Вы женщина?

В Таджикистане всеми вопросами, которые считаются чувствительными и небезопасными, занимаются женщины. Есть несколько теорий, почему так сложилось. Одни считают, что в обществе к женщинам все-таки относятся добрее, а к мужчинам – жестче. Другие думают, что мужчины не идут работать в НПО, потому что там просто не так много зарабатывают, как во властных структурах или в большом бизнесе. У меня свое мнение. НПО, общественные организации и малый бизнес – та сфера, в которой женщина может на честной конкуренции сама чего-то добиться своим умом и старанием. А попасть в государственные органы женщине без поддержки, родственных связей и денег сложно, да еще и нужно быть частью этой коррумпированной системы. Что касается бизнеса, то все большие компании, которыми сегодня управляют женщины, создавались с нуля и по-честному развивались. И я очень горжусь, что у нас есть такие женщины. То же самое и с НПО. Мне кажется, в этой сфере родственные связи не помогут, но если ты готова честно конкурировать, работать и развиваться, то ты можешь себя проявить. Поэтому всеми организациями, занимающимися очень сложными вопросами, управляют женщины.

Настроены ли Вы оптимистично относительно будущего Вашей страны? И верите ли в то, что диалог с властями в принципе возможен?

Ответ на оба вопроса – да. Потому что 70% населения нашей страны – это молодежь. Та молодежь, о которой я Вам только что рассказывала, и на нее возлагаются очень большие надежды. Я верю, что будущее будет в хороших руках, если мы сегодня вкладываем в молодежь и поддерживаем ее. Нужно, чтобы молодые люди уже сегодня начали управлять, а не когда им будет по 45 лет. Нужно поддерживать малый бизнес, свободу рынка, развитие инноваций. Нужно, чтобы интернет был доступен: у нас очень дорогой и плохой интернет в стране, а сейчас для молодежи

это главный инструмент (я не всегда согласна с некоторыми правилами, например, с запретом на использование мобильных телефонов в вузах и школах. Это же не просто средство развлечения, а средство развития). Если правильно инвестировать в молодежь, то будущее будет красивым.

Насчет диалога: как бы сложно не было в Таджикистане, диалог с государством есть. Проводятся регулярные встречи, идет диалог по разработке различных законов, организуются совместные образовательные и просветительские мероприятия. Мы посещаем, например, воинские части совместно с государственными органами, с омбудсменом, и каждый год рассказываем, что дедовщина – это преступление и пытки. Но нужно укреплять этот диалог. Он не должен держаться на личности руководителей государственных органов, зависеть от проектов, требований доноров и условий посольств. Сотрудничество с гражданским обществом должно быть политикой властей, потому что мы выступаем мостом между населением и государством.

И последний вопрос: что значит для Вас номинация на премию Мартина Энналса?

Для меня важно, что многие, наверное, узнают, что есть такая страна – Таджикистан – с богатой историей, культурой, природой, прекрасными людьми. Мне очень повезло родиться и жить здесь, и я бы не хотела менять место жительства. Многие узнают, что в Таджикистане есть отважные правозащитники и талантливая молодежь, что мы верим в права человека. Таджикистан ведь знают только потому, что мы соседи с Афганистаном и Китаем, знают, что мы бедная страна, которая пережила гражданскую войну, а, может быть, вообще ничего знают.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что многие мои коллеги, к сожалению, за три-четыре последних года были привлечены к уголовной ответственности, они получили очень долгие сроки, их дела рассматривались в ходе закрытых судебных процессов. Есть много сомнений по этому поводу, потому что у нас не было доступа к материалам дел. Я очень хочу, чтобы такого отношения к правозащитникам не было. Правозащитник – не преступник. И государство, в том числе Таджикистан, должно признать роль и важность правозащитников и взять на себя ответственность за их защиту, чтобы мы не надеялись только на международные организации и премии, но видели государство своим главным партнером и защитником.

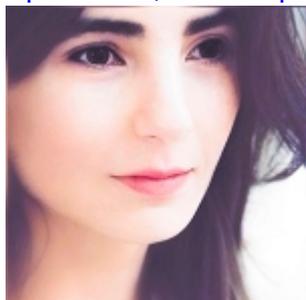
Спасибо! И удачи Вам!

От редакции: Печальное подтверждение заключительным словам Дилрабо Самадовой не заставило себя ждать. Во вторник вечером, когда интервью готовилось к публикации, стало известно, что премию Мартина Энналса получил памирский адвокат Манучехр Холикназаров из Таджикистана. В настоящее время он отбывает 16-летний тюремный срок. Суд над ним многие считают несправедливым и называют мстью за его правозащитную деятельность. В качестве директора Ассоциации юристов Памира Манучехр Холикназаров призывал к включению международных стандартов в области прав человека в национальное законодательство и оказывал юридическую поддержку жителям Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). В рамках местных инициатив, «Комиссии 44» и «Группы б», он сыграл ключевую роль в расследовании гибели молодежного лидера Гулбиддина Зиёбекова в ноябре 2021 года и последующего жестокого подавления протестов в Хороге. В ходе расследования были обнаружены важные доказательства убийства (или даже

возможной внесудебной казни) этого молодого человека, а также незаконного применения силы органами безопасности против демонстрантов, в результате чего погибли два человека, семнадцать получили ранения и сотни были арестованы. Манучехр Холикназаров был арестован 28 мая 2022 года вместе с двумя другими членами «Комиссии 44» на фоне широкомасштабных репрессий против местных лидеров и жителей ГБАО. Церемония вручения [премии Мартина Энналса](#) состоится завтра, 21 ноября, в зале Пленпале в Женеве.

[права человека](#)

[правозащитная организация](#)

[Зарина Салимова](#)

Zaryna Salimava

Статьи по теме

[Солтан Ачилова : «Мне уже ничего не страшно»](#)

[Российские правозащитники получили премию за работу в Чечне](#)

[Защита прав человека – одна из швейцарских традиций](#)

[Центр защиты прав человека «Мемориал» в Женеве](#)

[Голоса несогласных](#)

[Голос в защиту прав человека](#)

[70 лет Всеобщей декларации прав человека](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dilrabo-samadova-pravozashchitnik-ne-prestupnik>